

ЛИТЕРАТУРА

1. Becher, J.R. Gesammelte Werke / J.R. Becher; hrsg. vom Johannes-R.-Becher-Archiv der Deutschen Akademie der Kuenste zu Berlin: in 18 Bd. – Berlin; Weimar, 1966–1981. – Bd. 4.
2. Бехер, И.Р. Избранное / И.Р. Бехер; сост. и предисл. Е. Книпович. – М., 1974.
3. Хайдеггер, М. Гёльдерлин и сущность поэзии / М. Хайдеггер // Логос. – 1991. – № 1. – С. 44.
4. Хайдеггер, М. Интервью в журнале «Экспресс» / М. Хайдеггер // Логос. – 1991. – № 1. – С. 57.
5. Hoelderlin: Beitrage zu seinem Verstaendnis in unserem Jahrhundert / hrsg. von A. Kelletat. – Tuebingen, 1961.
6. Цвейг, С. Гёльдерлин / С. Цвейг // Собр. соч.: в 7 т. М., 1963. – Т. 6. – С. 95 – 206.
7. Rilke, R.M. Gedichte / R.M. Rilke; сост. и предисл. А.В. Карельского; коммент. Н.С. Литвинец. – М., 1981.
8. Рильке, Р.М. Новые стихотворения / Р.М. Рильке; изд. подгот. К.П. Богатырев, Г.И. Раггауз, Н.И. Балашов. М., 1977. – С. 315.
9. Hoelderlin, F. Werke und Briefe: in 2 Bd. / F. Hoelderlin; hrsg. von F. Beissner und J. Schmidt. – Frankfurt a. M., 1969. – Bd. 1.
10. Гёльдерлин, Ф. Сочинения / Ф. Гёльдерлин; сост. и вступ. ст. А. Дейча, коммент. Г. Раггауза. – М., 1969.
11. Beissner, F. Hoelderlin: Reden und Aufsaezte / F. Beissner. Berlin; Weimar, 1961.
12. Hoelderlin, F. Werke und Briefe: in 2 Bd. / F. Hoelderlin; hrsg. von F. Beissner und J. Schmidt. – Frankfurt a. M., 1969. – Bd. 2.
13. Hellingrath, F. Hoelderlins Vermaechtnis / F. Hellingrath. – München, 1936.

В.А. Масловская (Полоцк, ПГУ)

ВЛИЯНИЕ ПИЕТИЗМА НА РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО Ф. ГЁЛЬДЕРЛИНА

*Wie mein Glück, ist mein Lied. – Willst du im Abendroth
Froh dich baden? hinweg ist's! Und die Erd' ist kalt,
Und der Vogel der Nacht schwirrt
Unbequem vor das Auge dir.¹*

Die Kürze. F. Hölderlin.

С какой мифологией мы будем иметь дело, если объявим человека сыном Фемиды? Существует немало расхождений в интерпретациях древними греками антропологических мифов. Но даже при данном обстоятельстве вышеуказанное заявление прозвучало бы, по крайней мере, любопытно. Нам известно, что первых людей вылепил из глины Прометей; или смертные, как и бессмертные существа, как и сам человек, были рождены Геей ещё при первом поколении богов; или, если верить авторитетным мифологическим источникам, человеческий род появился во времена правления Кроноса, в так называемом «золотом веке». Тем не менее, можем ли мы рассматривать Фемиду в качестве прародительницы всего человечества? Ответ вряд ли существует только в рамках древнегреческой мифологии. Диапазон поисков придётся неизбежно расширить.

«Wie der Mensch sich setzt, ein Sohn der Themis, wenn, aus dem Sinne für Vollkommenes, sein Geist, auf Erden und im Himmel, keine Ruhe fand, bis sich im Schicksal belegend, an den Spuren der alten Zucht, der Gott und der Mensch sich wiedererkennt ... . Themis, die ordnungsliebende, hat die Asyle des Menschen, die stillen Ruhestätten, geboren», пишет Гёльдерлин в комментариях к Пиндару [1, S. 320 – 321]. («Как человеку, сыну Фемиды, самоутвердиться, если из чувства совершенства его дух был обречён на поиски покоя, как на земле, так и на небе, пока встретившись на путях судьбы, по воле древних времён, человек и бог не узнают друг друга ... . Фемиды, богиня порядка, сотворила приют для человека, блаженные острова покоя»). Примечательно, что древнегреческий поэт упоминает о Фемиде не иначе, как о жене Зевса. Почему же Гёльдерлин подчёркивает важность другой ипостаси богини правосудия, не только как матери человека, но ещё и создательницы «блаженных островов покоя»? В Послании к Евреям апостол Павел также говорит о своего рода стране покоя: «Посему будем опасаться, чтобы, когда ещё остаётся обетование войти в покой Его, не оказался кто из вас опоздавшим. Ибо и нам оно возвещено, как и тем; но не принесло им пользы слово слышанное, не растворённое верою слышавших» (Евр 4:1-3). Образы «золотого века», «золотого сада человечества», «блаженных островов», «рая» существуют во многих религиозных традициях и являются, по сути, желанием приблизить прекрасное будущее, когда люди обретут дол-

¹ «Песня моя подобна счастью. / Хочешь ты весело окунуться в вечернюю зарю? / Но её уже нет. / И земля холодна. / И птица ночи неуютно застилает глаза». – Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, перевод наш. – В. М.

гожданное счастье и гармонию с окружающей природой. Может, в данном контексте Фемида воплощает некий символ, синтезирующий античную и библейскую мифологии? Сделаем подобное допущение.

Для Гёльдерлина счастье человека, в первую очередь, тождественно возвращению богов. Поэтому важным мотивом в творчестве поэта становится переосмысление общечеловеческих ценностей и выделение святости всего мира и каждой отдельной вещи в этом мире в определённую категорию. Необходимые условия всеобъемлющей святости обеспечивают именно «покой» (*Ruhe*) и «тишина» (*Stille*). Гёльдерлин пишет о «тихом потоке» (*stiller Strom*), «тихом солнце» (*stille Sonne*), «тихой листве» (*stilles Laub*), «тихой долине» (*stilles Tal*); «тишине» и «покою» посвящает стихотворения «Die Stille», «An die Stille», «An die Ruhe» и другие. В XVIII веке подобная тематика разрабатывается особенно активно. Стоит вспомнить стихотворения Ф. Маттисона («An die Stille»), Ф.Г. Клопштока (духовные песни), Ф.Л. Штольберга («Die Ruhe»), Л.Г.Х. Гёльти («Die Ruhe»), Г.Ф. Штойдлина («An die Ruhe»), также И.И. Винкельман ставит в центр внимания своей эстетической программы «спокойное величие» (*stille Größe*). В 1786–1787 годах Ф. Шиллер публикует в своём журнале «Талия» «Философские письма» («*Philosophische Briefe*»). В заключительной части писем «Теософии Юлия» («*Theosophie des Julius*») природа изображается как «алфавит, посредством которого все духи общаются с самым совершенным духом и между собой» («*das Alphabet, vermittelt dessen alle Geister, mit dem vollkommensten Geist und mit sich selbst unterhandeln*») [2, S. 4]. Затем из этой целостной картины мира Юлий выводит идеалы любви (*Liebe*), дружбы (*Freundschaft*), самопожертвования (*Aufopferung*), спокойной мудрости (*ruhige Weisheit*).

Можно представить себе, что путь в потерянный рай насчитывает три ступени. Вначале был рай (1), на смену которому пришло падение (2). Если преодолеть вторую ступень силой веры («...но не принесло им пользы слово слышанное, не растворённое верою слышавших» (Евр 4:2)), рай снова вернётся (3) как некая страна покоя и гармонии.

В юношеском стихотворении Гёльдерлина «Бессмертие души» («*Unsterblichkeit der Seele*»), написанном в 1788 году [3, S. 140 – 144], лирический герой стоит на холме и смотрит, как оживает вокруг него природа после грозы, как ликует земля, празднует победу дня над ночью. Но как бы не были великолепны творения мира, нет ничего прекрасней души человека. «Где же твоё жало?» – спрашивает лирический герой у смерти, желая, чтобы душа вознеслась к богу, но тут же себя одергивает – «Нет! Души ликование – вечность! Так сказал Иегова! Её ликование – вечность! Его слово – вечно, как и его имя. Вечна, душа человека – вечна» («*Doch nein! der Seele Jubel ist Ewigkeit! / Jehova sprach's! ihr Jubel ist Ewigkeit! / Sein Wort ist ewig, wie sein Name, / Ewig ist, ewig des Menschen Seele*»). Когда в гневе бог бросает на землю молнии, склоняются скалы, шипят волны, трещат рощи. Но стоит только внимательно прислушаться к душе, как ей становятся тесны земные пределы, и лирический герой, преисполненный веры в бога, так же, как и его душа, возносится к безмолвным небесным высотам и с восторгом видит в них собственное величие. Триада «рай – падение – возвращение в рай» трансформируется в стихотворении в триаду «единство – возникновение противоречий – возвращение к единству». Удивительно, что «Бессмертие души» было написано Гёльдерлином ещё в стенах Маульброннской монастырской школы. В возрасте 17–18 лет поэт с невероятным мастерством использует алкееву строфу при создании 29-строфного стихотворения. Результат – потрясающий. Кроме того, на античные метры неплохо ложились духовные песни, что широко использовалось в то время и сейчас.

Вернёмся всё же к нашей триаде «единство – возникновение противоречий – возвращение единства». Наряду с упомянутыми нами произведениями, хотелось бы вспомнить также один из куплетов забытого пиетистского гимна, сохранённого, к сожалению, лишь в прозаическом переводе: «И тогда, в конце времен, я избавлюсь от эгоизма и от двоящихся мыслей – не будет уже ни того, ни другого. Я буду одно во всем и всё в одном; я желаю единства в мыслях. Желаю быть одним целым с единым в едином. Раздвоенности не встретишь там, где всё преисполнено единства, где всё пребывает в наслаждении вечными дарами» [4, S. 10 – 11].

В «Теософии Юлия» Шиллера встречаем следующие строки: «*Es ist wirklicher Gewinn für die allgemeine Vollkommenheit, es war die Vorhersehung des weisesten Geistes, daß die verirrende Vernunft auch selbst das chaotische Land der Träume bevölkern und den kahlen Boden des Widerspruchs urbar machen sollte*». [2, S. 9] («То, что блуждающий разум сам населил область хаотических мечтаний и превратил скудную почву противоречия в плодородную, было предусмотрено всемудрейшим духом и служит на пользу общему совершенству»).

У Гёльдерлина: «Слиться со всею вселенной – вот жизнь божества, вот рай для человека! Слиться воедино со всем живущим, возвратиться в блаженном самозабвении во всебытие природы – вот вершина чаяний и радостей, вот священная высота, место вечного отдохновения, где полдень не жарок, и гром безгласен, и бурлящее море подобно бесшумно волнующейся ниве» (перевод Е. Садовского) [5, с. 287]. Тот же мотив, выраженный менее ярко, нежели в «Гиперионе», встречаем и в стихотворении «Бессмертие души» – желание воспарить к небу, обнять весь мир, когда гнев Иеговы прошёл и день победил ночь.

В комментариях к Библии известный теоретик швабского пиетизма крайнего толка Фридрих Этингер изображает Бога как вечное рождение, и пишет, что «Бог являет себя в природе» («Er [Der Gott] wird aber offenbar durch die Natur») [6, S. 411]. Но поскольку природа – разнообразна и противоречива, то в качестве объединяющей силы выступает любовь. «Als Gott die geistliche Welt in ein äußeres Wesen eingeführt, so blieb das Innere im Äußeren, das Äußere als ein Geschöpf, das Innere als ein innerlich wirksames Wesen. Darum sehen wir die Welt nur halb: das Innere sehen wir nicht, sondern verstehen es durch den Glauben» («Когда Бог ввёл духовный мир во внешнюю сущность, то внутреннее осталось во внешнем, внешнее как живое творение, внутреннее как действующая изнутри сущность. Поэтому мы видим мир лишь наполовину: видеть внутреннее нам неподвластно, мы можем понять его лишь посредством веры»).

Так же как между понятиями «внутреннего» и «внешнего» существуют противоречия, нельзя однозначно и равноправно рассматривать понятия «неба» и «земли». Небо – место жительства богов, земля через проклятие грехопадения отдана человеку. Лишь Христу было подвластно преодолеть существующую между ними пропасть. «... Ибо благоугодно было *Отцу*, чтобы в Нём обитала всякая полнота, и чтобы посредством Его примирить с Собою всё, умиротворив через Него, Кровию креста Его, и земное и небесное» (Кол 1:19-20). Мы опять сталкиваемся здесь с тайной формулой бытия, приписываемой, в первую очередь, древним грекам, – «Одно и Всё». Эти же слова в 1791 году Гёльдерлин записал в гостевую книгу Гегеля с многозначительной пометкой – символ (*Symbolum*), а в письме к матери отметил: «Но ведь во мне осталась вера сердца с его неистребимой жаждой вечного, жаждой бога. Однако разве мы чаще всего не сомневаемся именно в том, чего желаем? (На это я указываю и в своей проповеди.) Кто же спасёт нас из этого лабиринта? Христос. В чуде он открывает нам, что он есть тот, кем себя называет, что он есть бог. Сколь убедительно он являет нам бытие бога и любовь, и мудрость, и всемогущество божие! Ему дано знать, что бог есть и что такое бог, ибо он сокровенными узами связан с божеством. Он и есть сам бог. Таков мой путь к познанию бога, начатый год тому назад» (пер. Н. Гнединой) [5, с. 443].

Ф. Гёльдерлин родился в семье потомственного священника. Согласно исследованиям П. Берто, в пятом поколении по материнской линии, поэт состоял в родстве с Региной Буркхардт, в числе потомков которой можно назвать также Л. Уланда, Ф. Шеллинга, Э. Мёрике [7, S. 253]. По данным статистики, приводимой Всеобщей немецкой биографией («Allgemeine Deutsche Biographie») среди рождённых после 1525 и умерших до 1900 года насчитывается 765 поэтов, 203 из которых (почти четверть) – дети семей протестантских священников. В таком случае становится вполне понятным желание исследователей изучать религиозное влияние на творчество выдающихся деятелей, рождённых в вышеуказанный период. Согласно Берто, родиной гениев является Швабия ввиду введения М. Лютером и его последователями экспериментальной системы образования [7, S. 251 – 252]. Лучшие из лучших по окончании монастырских школ поступали в Тюбингенский университет, сохранивший, в первые годы учения Гёльдерлина благодаря вмешательству профессора филологического факультета («эфора») Х.Ф. Шнуррера известную долю свободомыслия и вольнодумства. [8, S. 15].

Ю. Клайбер в книге «Гёльдерлин, Гегель и Шеллинг в годы их швабской юности» («Hölderlin, Hegel und Schelling in ihren schwäbischen Jugendjahren») указывает на то, что определённое направление в изучении предметов в Денкендорфе (здесь Гёльдерлин учился в 1784–1786 годах) было задано преподавателем и видным теоретиком пиетизма крайнего толка И.А. Бенгелем ещё в 1713 году [9, S. 41]. Гёльдерлин мог сблизиться с пиетистами уже во время учёбы в Денкендорфе, но также в Тюбингенском университете, где одним из преподавателей поэта был Ф.Г. Зюскинд, внук И.А. Бенгеля. Используя эксперимент, начатый ещё М. Лютером, пиетисты пустили в своё время достаточно глубокие корни не только в системе образования, но также во многих других сферах общественной деятельности. Только среди швабских пиетистов существовало чёткое деление на консервативных (мало отходивших от учения Лютера и церкви) и спекулятивных (крайнего толка), которые, синтезировав религию с философией, бросили вызов церкви как институту, стоящему на службе государства. Общепринятые доказательства бога подвергались сомнениям, бог сравнивался с природой. Понятно, что властям были не угодны подобные идеи, способствующие зарождению сомнений и поднятию революционного духа. В 1792–1793 годы был ужесточен контроль над студентами в Тюбингенском университете. Но ещё раньше, в 1780-е годы многие пиетисты крайнего толка подверглись гонениям, на их книги наложили цензуру, отдельные произведения запретили. Так случилось с работами Ф. Этингера, Ф.М. Хана и других [10, S. 32 – 33].

Часто, чтобы доказать влияние пиетистов на того или иного автора используют сравнительный анализ лексики, используемой в произведении, с лексикой, характерной для пиетистов, приведенной в «Словаре немецкого пиетизма» А. Лангена («Der Wortschatz des deutschen Pietismus»). Так, Е. Полледри, К. Макродт причисляют Гёльдерлина к пиетистам на основании изучения употребляемой им лексики. Нельзя не согласиться, что ранние произведения поэта – дневник путешествия в Пфальц (2–6 июня 1788 года), стихотворения Маульброннского цикла (1786–1787) – экспрессивны. Но на стиле молодого поэта могли сказаться как юношеская впечатлительность, так и желание сделать понятным язык письма для родных, в частности, матери, очень набожной женщины.

8 октября 1785 года Н. Кёстлин (учитель Гёльдерлина в Нюртингене) читал проповедь о самоанализе, ссылаясь на Послание к Коринфянам апостола Павла. «Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьёт из чаши сей. Ибо кто ест и пьёт недостойно, тот ест и пьёт осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем. Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы» (1 Кор 11:27-31). Возможно, бывший ученик присутствовал на собрании. Так, П.А. Хайдн-Рой убеждена, что первое дошедшее до нас письмо Гёльдерлина своему учителю является ответом как раз на вышеупомянутую проповедь [11].

Склонный к самоанализу Ф. Гёльдерлин пытался постичь Бога через своё творчество. Затронутые в раннем возрасте темы одиночества, странствия, любви к Древней Греции эволюционируют на протяжении всей жизни поэта. Кто знает, если бы мы судили себя при жизни и критически относились к каждому прожитому дню, если бы научились ценить, как высочайший дар, красоту и совершенство окружающего мира, может, тогда вернулся бы «золотой век человечества» и мы с гордостью могли бы называть себя истинными детьми Фемиды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hölderlin, F. Sämtliche Werke und Briefe / F. Hölderlin. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1970. – Bd. 3.: Der Tod des Empedokles. Übersetzungen. – 767 S.
2. Schiller, F. Philosophische Briefe. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.biblioclub.ru>. – Дата доступа: 08.11.2008.
3. Hölderlin, F. Sämtliche Werke und Briefe / F. Hölderlin. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1970. – Bd. 1: Gedichte. – 767 S.
4. Джозеф Герль. Лютеранские основы нашей гимнологии. – Пер. с англ. Д. Шкурлятьевой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://music.lcmsrussia.org/index.htm>. – Дата доступа: 17.02.2009.
5. Гёльдерлин, Ф. Сочинения / Ф. Гёльдерлин; сост. и вступ. ст. А. Дейча, коммент. Г. Ратгауза. – М.: Худож. лит., 1969. – 543 с.
6. F. Oetinger. Biblisches Wörterbuch. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archive.org>. – Дата доступа: 7.01.2009.
7. Bertaux, P. Hölderlin / P. Bertaux. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1987. – 725 S.
8. W. Betzendörfer. Hölderlins Studienjahre im Tübinger Stift. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archive.org>. – Дата доступа: 7.01.2009.
9. J. Klaiber. Hölderlin, Hegel und Schelling in ihren schwäbischen Jugendjahren. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archive.org>. – Дата доступа: 7.01.2009.
10. Hayden-Roy, P.A. Zwischen Himmel und Erde: der junge Friedrich Hölderlin und der württembergische Pietismus / P.A. Hayden-Roy // Hölderlin-Jahrbuch 2006–2007. – Tübingen, 2007. – S. 30 – 66.
11. Hayden-Roy, P.A. «Der Mensch prüfe sich selbst». Eine Predigt Nathanael Köstlins als Kontext für Hölderlins ersten erhaltenen Brief / P.A. Hayden-Roy // Hölderlin-Jahrbuch 2004–2005. – Tübingen, 2006. – S. 302 – 329.

А.Н. Беларев (Москва)

ФУНКЦИИ ЭКФРАСИСА В ТВОРЧЕСТВЕ ПАУЛЯ ШЕЕРБАРТА

Архитектурные мотивы в творчестве Пауля Шеербарта (печатался также под псевдонимом Бруно Кюфер, *Paul Scheerbart*, 1863–1915) чаще всего привлекают внимание зарубежных историков архитектуры и искусствоведов [1, 2], и этот интерес небезоснователен. Проекты и идеи писателя, особенно его манифест «Стеклянная архитектура» («Glasarchitektur», 1914), оказали значительное влияние на архитектуру экспрессионизма. Прежде всего, следует назвать творчество Бруно Таута и его единомышленников – архитекторов объединения «Стеклянная цепь» («Die gläserne Kette», 1919–1920) [3]. Именно «архитектоническому» компоненту шеербартовской прозы и его утопическим проектам, опубликованным в журналах «Штурм» («Sturm») и «Акцион» («Aktion»), посвящены работы российских исследователей, упоминающих проекты писателя лишь в широком контексте сходных культурных явлений начала века, а именно феномена стеклянной архитектуры [4, 5, 6]. Задачей данной статьи будет попытка литературоведческого осмысления мотивов прозы писателя, связанных с описанием произведений искусств, будь то архитектура, скульптура, живопись, а также включение их в более широкий круг проблем поэтики Шеербарта. Представляется, что ключевым термином при анализе значительной части текстов писателя может стать понятие экфрасиса. В греко-римской риторике экфрасисом, или экфразой, называлось «укра-